

КЪ ИСТОРИИ ПОЛЬСКОЙ СМУТЫ.

I.

Періодическія возстанія въ Польшѣ, упорное стремленіе известной части польскаго общества къ восстановленію Рѣчи Посполитой хорошо известны всѣмъ и каждому, но известны пока лишь въ самыхъ общихъ чертахъ. Исторіи не удалось еще уяснить во всей полнотѣ этихъ печальныхъ событій, весьма многое въ нихъ остается и, быть можетъ, останется еще надолго неизвѣстнымъ. Двѣ причины обуславливаютъ собою наши пробѣлы по исторіи польскаго вопроса. Правительства, заинтересованныя въ дѣлѣ, не находятъ и по сіе время возможнымъ открыть историку именно ту часть своихъ архивовъ, которая касается польскихъ волненій. Такая таинственность приносила, впрочемъ, по сію пору пользу лишь однимъ сторонникамъ революціи; она давала имъ возможность распускать по свѣту самыя нелѣпыя и тенденціозныя басни, придавать этимъ баснямъ характеръ несомнѣнныхъ фактовъ, правдой исторіи. Являлись цѣлыя исторіи польской революціи, книги, подобныя сочиненіямъ Шпадира и Лелевеля, книги, въ которыхъ все отъ начала до конца извращено или даже просто вымышленно, и притомъ съ извѣстной

тенденціею. Съ другой стороны вожаки польской смуты, люди, стоявшіе во главѣ движенія, воздерживаются и по сію пору отъ обнародованія своихъ записокъ, опасаясь компрометировать ими не только самихъ себя и товарищей, но и самое дѣло. При такомъ положеніи, историкъ долженъ привѣтствовать съ радостью всякую новую публикацію, какъ бы ничтожна не казалась она на первый разъ, въ надеждѣ, что, быть можетъ, она прольетъ хотя немного свѣту на темныя и загадочныя стороны польской революціонной смуты.

Съ такою надобностію взяли мы въ руки книгу, изданную въ Берлинѣ подъ заглавіемъ— „Два года войны. Воспоминаніе стараго солдата о турецкомъ походѣ 1828 и польскомъ 1831 г.“— Ганзена, и надо сознаться, что надежда не обманула насъ на этотъ разъ. Правда, авторъ не принималъ участвующаго участія въ описываемыхъ имъ событіяхъ, не посвященъ былъ въ тайны дипломатіи и военной тактики, но за то онъ обладалъ большою наблюдательностью и высокимъ, къ сожалѣнію, столь рѣдкимъ, чувствомъ правды.

Ганзенъ началъ службу простымъ солдатомъ въ финляндскомъ полку, участвовалъ въ походѣ 1828 г., обратилъ на себя вниманіе князя Меншикова и,

по его настоянію, произведенъ былъ въ офицеры. Въ польской компаніи Ганзенъ участвовалъ отъ начала до конца и наиболѣе интересная часть его книги относится именно къ ней. Казалось бы, что могъ сказать новаго о польской войнѣ простой офицеръ, не имѣвшій подъ руками другого матеріала кромѣ собственныхъ наблюденій и писемъ своихъ товарищей, другого руководителя кромѣ собственнаго такта и любви къ истинѣ, а между тѣмъ, именно эти качества съ одной стороны, крайняя бѣдность нашей литературы по этому вопросу съ другой, дали возможность Ганзену освѣтить во многихъ отношеніяхъ не только исторію военныхъ операцій, но и польскаго мятежа вообще.

Единственнымъ пособіемъ для изученія войны 1831 г. оставался до сихъ поръ извѣстный трудъ Смита. Значеніе этого труда безспорно громадное, но признать его вполне объективнымъ нѣтъ возможности. Не слѣдуетъ забывать, что Смитъ былъ русскій чиновникъ, что онъ писалъ въ то время, когда главныя дѣйствующія лица его разсказа были еще живы и занимали высокое офиціальное положеніе. Уже говоря о Дибичѣ и Толѣ, Смитъ выражался чрезвычайно осторожно и сдержанно, не смотря на то, что оба они

не были болѣе въ живыхъ. За то Паскевичъ стоялъ еще тогда на высотѣ своего вліянія, живы были также великій князь Михаилъ Павловичъ и генералъ Бергъ. И вотъ Смитъ, критикуя во многихъ отношеніяхъ Дибича и Толя, упрекая послѣдняго въ излишней отвагѣ и горячности, воздаетъ Паскевичу безусловную хвалу. Въ его крайне медленномъ, осторожномъ движеніи къ Варшавѣ, въ его, почти трусливомъ, уклоненіи отъ всякой встрѣчи съ непріателемъ, онъ видитъ послѣдовательное выполненіе хорошо обдуманнаго плана. Онъ изумляется силѣ характера Паскевича, его непоколебимой твердости и противопоставляетъ ихъ, не безъ намѣренія, неистовымъ порывамъ графа Толя. Совершенно иначе судилъ тотъ же Смитъ о Паскевичѣ, спустя два года послѣ его смерти, въ своихъ „Голосахъ полководцевъ“. Паскевичъ былъ нерѣшителенъ, говоритъ онъ тамъ, — задумчивъ, подозрителенъ, онъ не довѣрялъ своимъ окружающимъ и не скрывалъ этого недовѣрія. У него не было духа предпріимчивости, упорно держался онъ разъ усвоеннаго мѣнія, всякое, не только рискованное, но даже просто смѣлое, предпріятіе приводило его въ ужасъ“.

Ганзенъ не располагалъ и десятою долею того колоссальнаго матеріала, ко-

торый былъ въ распоряженіи Смита, но онъ не стѣснялся никакими соображеніями и имѣлъ въ виду только одну правду. Уже при изложеніи исторіи турецкой войны, Ганзенъ указываетъ мимоходомъ на одну изъ главныхъ причинъ неимовѣрнаго успѣха революціи 1830 года. Причина эта заключалась въ крайней довѣрчивости русскаго правительства и даже самого государя къ полякамъ. Уже измѣна гнѣздилась во всемъ Царствѣ Польскомъ, уже огромное количество польскихъ офицеровъ принимало участіе въ заговорѣ, а между тѣмъ, императоръ Николай не только не дѣлалъ различія между поляками и русскими, но отдавалъ даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ явное предпочтеніе послѣднимъ. Предполагалось произвести, между прочимъ, важную рекогносцировку противъ арміи Омеръ-Вріоне подъ Варною. Рекогносцировка была поручена польскому полковнику Залускому, ему былъ врученъ одинъ изъ лучшихъ полковъ всей арміи, гвардейскіе егеря. Залусскій не заявилъ себя до тѣхъ поръ ничѣмъ особеннымъ, но онъ былъ флигель-адъютантъ Императора, а великій князь Константинъ снабдилъ его наилучшими рекомендаціями. Рекогносцировка окончилась самымъ печальнымъ образомъ: благодаря неумѣлости, а быть можетъ и злона-

мѣренности, польскаго полковника, весь великолѣпный егерскій полкъ былъ почти-что истребленъ турками.

Великій князь Константинъ Павловичъ относился къ полякамъ еще съ большимъ довѣріемъ, нежели Императоръ Николай. Онъ былъ глубоко убѣжденъ въ любви польской націи и арміи къ его особѣ, онъ безусловно рассчитывалъ на ихъ преданность и вѣрность. Вспыльчивый, а подчасъ и грубый къ своимъ окружающимъ, въ томъ числѣ и къ знатымъ полякамъ, онъ не хотѣлъ и слышать о возможности, какой бы то ни было, измѣны. Явные вспышки мятежнаго духа казались ему безвредными, юношескими шалостями. Не смотря на всѣ предостереженія, онъ не хотѣлъ принимать никакихъ мѣръ, а между тѣмъ возстаніе готовилось на его глазахъ, заговоръ опутывалъ его со всѣхъ сторонъ своими сѣтями. Двѣ партіи боролись тогда въ Польшѣ, такъ называемые, бѣлые, т. е. умѣренные и аристократы, и красные, рѣшительные демократы. Бѣлые не желали отдѣленія отъ Россіи, они добивались лишь расширенія и охраненія правъ, дарованныхъ Польшѣ въ 1815 г. Наоборотъ, красные хотѣли воскресить независимую польскую республику. Какъ въ другихъ возстаніяхъ, такъ и тогда, партія крайняя, партія фанати-

ковъ и безумцевъ взяла верхъ. Толпа мятежной молодежи, подъ предводительствомъ неспособнаго Висоцкаго, завладѣла Варшавою въ ночь на 17-е ноября 1830 г. Польская революція была вѣрно копіею солдатскихъ революцій 1820 г., съ тою лишь разницею, что въ Испаніи и Италіи во главѣ мятежныхъ войскъ становились полковники и генералы, а здѣсь первую роль играли подпрапорщики и юнкера. Возстаніе располагало въ началѣ самыми ничтожными силами, подавить его не составило бы ни малѣйшаго труда, но великій князь, пораженный въ самое сердце черною неблагодарностью поляковъ, спѣшилъ поскорѣе оставить Варшаву съ бывшими при немъ русскими полками. Быть можетъ, на его рѣшеніе повліяло и распространенное въ то время мнѣніе о невозможности подавить вооруженною силою мятежное населеніе большого города. Какъ бы то ни было, но послѣднее отступленіе великаго князя давало революціонерамъ возможность распространить движеніе на все царство, захватить въ свои руки крѣпости Замостье и Модлинъ, организовать превосходную 60,000 армію.

Поляки успѣли увѣрить въ послѣдствіи весь міръ, что они были подавлены

единственно громаднымъ превосходствомъ русскихъ силъ. Такого превосходства въ дѣйствительности вовсе не было. Вся армія, двинутая на Польшу, состояла всего лишь изъ 100,000 человекъ, мятежъ въ Литвѣ и Волыни, значительныя потери быстро уменьшили ея число, къ тому же на сторонѣ поляковъ были два неопѣнныя преимущества: они вели войну оборонительную, они сражались на родной землѣ, у самаго источника своихъ средствъ. Во главѣ русской арміи стоялъ фельд-маршалъ графъ Дибичъ, личность, во всякомъ случаѣ, выдающаяся. Мнѣніе современниковъ о Дибичѣ расходилось въ діаметрально-противоположныя стороны. Блестящая, по плану и выполнению, компанія 1829 г. доставила ему громкое одобреніе первыхъ военныхъ авторитетовъ. Герцогъ Веллингтонъ называлъ его первымъ полководцемъ тогдашней Европы, столь знаменитый вполнѣдствіи Мольтке далъ самый лестный отзывъ о его военныхъ операціяхъ. Польская компанія сильно поколебала славу Дибича и нашлись люди, которые, подобно принцу Виртембергскому, не находили словъ для его порицанія. Въ противоположность этимъ крайностямъ, повліявшимъ и на позднѣйшихъ историковъ, Ганзенъ уясняетъ намъ ошиб-

ки и неудачи Дибича, частью обстоятельствами не зависѣвшими отъ него, частью внутренними свойствами его характера.

Дибичъ, правда, не воспользовался своею рѣшительною побѣдою при Гроховѣ, но по какимъ причинамъ? Онъ могъ бы взять штурмомъ Прагу въ ночь послѣ битвы, но не отважился на него, частью потому, что боялся кровопролитной, ночной рѣзни, а еще больше потому, что вел. кн. Константинъ увѣрялъ его, что поляки изъѣзятъ покорность безъ дальнѣйшаго боя и рѣшительно противился штурму. Вообще, положеніе Дибича, какъ главнокомандующаго, было во всѣхъ отношеніяхъ фальшиво. Многочисленные недоброжелатели подкапывались подъ него и старались очернить его въ глазахъ самаго Государя. Продовольственная часть въ его арміи организована была крайне дурно; недостатокъ провіанта помѣшалъ ему, между прочимъ, воспользоваться побѣдою при Остроленкѣ и прибыть въ Варшаву ранѣе разбитаго непріятеля. Ему данъ былъ гвардейскій корпусъ, но подъ условіемъ беречь это отборное войско, не подвергать его особеннымъ потерямъ. Понятно, что послѣ этого гвардія лишь тормозила движенія Дибича, тѣмъ болѣе, что во

главѣ ея стоялъ самостоятельный начальникъ, да еще въ лицѣ великаго князя Михаила Павловича.

Какъ не тяжело отзывались всѣ эти внѣшнія, невыгодныя условія, но еще болѣе вредили Дибичу его собственныя качества, вся его натура, такъ превосходно охарактеризованная Ганзеномъ. „Обладая,—говоритъ онъ,—несомнѣннымъ и высокимъ военнымъ талантомъ, Дибичъ не имѣлъ тѣхъ качествъ, которыя одни только могутъ пріобрѣсти любовь солдатъ и воспламенить ихъ мужество. Онъ рѣдко приходилъ въ соприкосновеніе съ войсками, у него не было дара слова, онъ не могъ говорить языкомъ солдата, тѣмъ языкомъ, которымъ въ такомъ совершенствѣ владѣлъ Суворовъ. Ему не доставало также и достойнаго внѣшняго вида, столь важнаго для полководца. Маленькая, плотная фигура, короткая шея, безобразно большая голова, красное лицо, длинные, рыжеватые волосы, крайняя несоразмѣрность всѣхъ частей тѣла—способны были произвести на всякаго отталкивающее впечатлѣніе. Къ тому же, онъ былъ крайне небреженъ, почти неряшливъ въ своемъ костюмѣ, а его голосъ поражалъ своею грубостью и крикливостью“. Всѣ эти мелочи, взятая вмѣстѣ, лишали Дибича всякаго представительства, вреди-

ли ему не мало въ глазахъ войска.

Дибичъ скончался отъ холеры, тотчасъ послѣ сраженія при Остроленкѣ, въ тотъ моментъ, когда сила мятежа была окончательно истощена, когда оставалось нанести ему лишь одинъ послѣдній ударъ. Ударъ этотъ нанесенъ былъ Паскевичемъ, но какъ? Паскевичъ, какъ полководецъ, стоялъ неизмѣримо ниже Дибича. Онъ прибылъ къ арміи, когда энергическій генералъ Толъ подготовилъ уже все для перехода черезъ Вислу и штурма Варшавы. Войска горѣли нетерпѣніемъ покончить съ ненавистнымъ мятежомъ, но Паскевичъ медлил и ошупью подвигался къ Варшавѣ. Вопреки настояніямъ Толя, онъ упускалъ всѣ случаи уничтожить противника въ открытомъ полѣ и далъ ему возможность скрыться за стѣнами Варшавы. Паскевичъ никогда бы не рѣшился на штурмъ варшавскихъ укрѣпленій, если бы польскіе вожди не сдѣлали непростительной ошибки, выславъ изъ Варшавы къ галиційской границѣ 20,000 корпусъ Ромарино и ослабѣвъ тѣмъ до нельзя гарнизонъ крѣпости. Не будь этой счастливой случайности, Паскевичъ навѣрное остался бы зимовать подъ Варшавою, и, быть можетъ, въ конецъ погубилъ бы все дѣло. Паскевичъ не руководилъ даже и самымъ

штурмомъ. Раненный легко на другой день боя, онъ сдалъ команду Толю. Этому послѣднему принадлежитъ вся дѣйствительная заслуга, за то на долю перваго досталась львиная часть награды.

Не одни только польскіе памфлеты, но и, такъ называемые, историческіе труды наполняются по сію пору самыми нелѣпыми разсказами о страшныхъ жестокостяхъ, совершенныхъ въ царствѣ русскою арміею и правительствомъ, о суровой, безпощадной карѣ, наложенной Императоромъ Николаемъ на всю польскую націю. Дѣйствительные факты, передаваемые свидѣтелями независимыми и безпристрастными, представляютъ весь ходъ дѣла въ совершенно иномъ свѣтѣ. Они показываютъ, что Императоръ Николай далеко былъ отъ всякой жестокости, что онъ поступилъ съ побѣжденными, даже съ вождями возстанія, несравненно кротче и гуманнѣе, нежели поступаютъ въ такихъ случаяхъ даже республиканскія правительства.

Профессоръ В. Надлеръ.